

Социально-культурные аспекты коррупционного поведения. Опыт Китая

Михайлова Ольга Владимировна

Доктор политических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [7242-2620](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=7242-2620)

ORCID ID: [0000-0002-7394-8332](https://orcid.org/0000-0002-7394-8332)

Шао Цзысюань

Аспирант, Высшая школа культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: 619543842q@gmail.com

Аннотация

Процессы либерализации экономики и демократизации поставили перед развивающимися странами большое количество сложных проблем, преодоление которых оказалось серьезно затруднено в силу специфики их социально-культурного контекста. Одна из таких проблем — коррупция, высокий уровень которой препятствует установлению и закреплению современной системы государственного управления в этих странах. Практика продемонстрировала, что понимание коррупции в развитых странах затрагивает приемлемые модели поведения в развивающихся странах, что затрудняет ее идентификацию и выработку адекватных антикоррупционных мер. В статье на примере опыта Китая рассматривается влияние социокультурных факторов на восприятие коррупции. В частности, исследуются различные оценки отношений гуаньси, которые являются основой социального взаимодействия в Китае на протяжении многих веков, но с момента начала реформирования экономики и переустройства правовой системы они стали носить двусмысленный характер, так как их содержание имеет много общего с западным пониманием коррупционного поведения, разделяемым во всем мире, в том числе и в Китае. Авторы приходят к выводу, что законодательно ограничить эти отношения крайне сложно, так как они являются частью культурной среды, что позволяет относить гуаньси к «белой коррупции». В то же время необходимо пресечь ситуации, в которых отношения гуаньси используются в качестве прикрытия для коррупционных сделок. Это требует не столько жестких административных мер, сколько усиления значения в сознании граждан и государственных служащих ценностной ориентации на достижение общенациональных, а не групповых или индивидуальных интересов.

Ключевые слова

Коррупция, гуаньси, «белая коррупция», развивающиеся страны, Китай.

Sociocultural Aspects of Corrupt Behavior. The Experience of China

Olga V. Mikhaylova

DSc (Political Sciences), Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-7394-8332](https://orcid.org/0000-0002-7394-8332)

Shao Zixuan

Postgraduate student, Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanitarian Sphere (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: 619543842q@gmail.com

Abstract

The processes of economic liberalization and democratization have presented emerging nations with a wide range of complicated issues, the resolution of which proved to be extremely challenging due to the specifics of their socio-cultural context. One of these issues is corruption, whose great prevalence hampers the establishment and consolidation of a modern system of public administration in these countries. It has been demonstrated through experience that corruption perception in developed countries affect acceptable behavior patterns in developing countries, making it difficult to detect corruption and create effective anti-corruption measures. The article examines how sociocultural factors influence the perception of corruption with the example of the experience of modern China. In particular, various types of guanxi relations, which have been the basis of social interaction in China for many centuries, are being explored. But since the beginning of economic reform and the reorganization of the legal system, they have become ambiguous, since their content has much in common with the Western understanding of corrupt behavior, shared throughout the world, including in China. The authors come to the conclusion that it is extremely difficult to legally limit guanxi, since they are part of the cultural environment, and this allows us to attribute guanxi to “white corruption”. At the same time, situations in which guanxi relations are used as a cover for corrupt deals must be stopped. This requires not so much tough administrative measures but strengthening the value in the minds of citizens and civil servants of an orientation towards achieving national, non-group or individual interests.

Keywords

Corruption, guanxi, “white corruption”, developing countries, China.

Введение

Коррупция как проблема государственного управления многие десятилетия сохраняет свою актуальность в повестке дня западных правительств, которым в большинстве своем удалось поставить ее под контроль и снизить негативные эффекты на политику и экономику. Однако для сохранения достигнутых позиций необходимо прикладывать значительные усилия по поддержанию работы институтов и включенности граждан в процессы общественного мониторинга деятельности политических элит и бюрократии. В свою очередь, вступившие на путь политического и экономического развития развивающиеся страны, даже самые успешные из них, столкнулись с проблемой коррупции относительно недавно, когда начали выстраивать современную систему государственных и правовых институтов, проводить реформы по либерализации экономики. С одной стороны, эти страны оказались в менее выгодном положении, по сравнению с развитыми странами, потому что модернизационные процессы в них проходили стремительно и одновременно, что не позволяло размеренно и адекватно реагировать на вызовы при желании элит, и граждан как можно быстрее достичь успешных результатов развития и приблизиться к развитым странам. С другой стороны, они имели в своем распоряжении многообразие работающих и неудачных экономических, политических и административных решений, которые могли быть приняты или отвергнуты реформаторами. В то же время это был опыт развитых стран, чья история и культурный профиль принципиальным образом отличаются от развивающихся стран, что стало причиной искажений и отклонений в копируемых институтах и практиках.

Цель данного исследования — изучить типичные для китайского общества отношения гуаньси, получившие неоднозначную оценку в академическом сообществе, в связи с необходимостью концептуализации коррупции для повышения эффективности антикоррупционных мер в современном Китае.

Методология исследования — сравнительное изучение отдельного кейса для получения детализированной информации об истоках социальной практики гуаньси в современном Китае.

Проблема концептуализации коррупции в незападных странах

Проблема коррупции для систем государственного управления в развивающихся странах появилась именно в связи с политическими и экономическими реформами, начавшимися во второй половине XX в. С целью преодолеть отсталость прошлого, расширить инвестиционные возможности, извлечь уроки из опыта развития других стран и повысить свой международный политический статус они стали вкладывать колоссальные усилия в процессы демократизации и либерализации, шли по пути расширения политического пространства, увеличения числа акторов, участвующих в процессах принятия решений, что с неизбежностью влекло за собой расширение масштабов коррупции. Например, по данным исследования, проведенного в Бразилии, размер комиссии, вымогаемой должностными лицами, вырос с 8–12% при военной автократии до 15–20% от цены контракта при демократии [Weyland 1998]. Аналогичная тенденция была выявлена и во многих других странах, что позволило исследователям заключить, что демократизация в краткосрочной перспективе ведет к резкому росту коррупции, но по мере консолидации демократии ее объемы сокращаются благодаря в том числе активности независимых медиа, стимулирующих интерес граждан к деятельности политиков и чиновников, чье нахождение у власти зависит не от воли властителя, а от результатов выборов [Treisman 2000]. Однако становления демократических институтов недостаточно для эффективного противодействия коррупции, значительную поддержку усилиям по снижению

ее уровня оказывают темпы экономического развития страны. Так, по данным другого исследования, демократия может сократить коррупцию только при уровне ВВП на душу населения не менее \$2000 [Jetter et al. 2015].

Очевидно, что успехи развивающихся стран по построению демократии, либерализации экономики и формированию современных систем государственного управления сильно разнятся. Однако общей для них проблемой является крайне высокий уровень коррупции, по сравнению с развитыми странами, который нередко в научной литературе характеризуют как эпидемический. Представители модернизационной парадигмы склонны полагать, что процессы политических и экономических изменений в развивающихся обществах имеют тенденцию порождать неравенство, политическую нестабильность и коррупцию, что связано со слабостью институтов, не способных сдерживать эти девиации.

Вместе с тем необоснованно было бы игнорировать тот факт, что коррупция имеет также и культурное измерение, а значит, необходимо исследовать ее контекстуально. В свою очередь, это серьезно осложняет измерение уровня коррупции и разработку антикоррупционных мер, так как применяемые методики оперируют универсальным определением этого феномена, улавливающим конкретный ракурс ее проявления. Мировая исследовательская практика использует определения коррупции, предлагаемые Всемирным банком («злоупотребление служебным положением в личных целях») и Transparency International¹ («злоупотребление доверенной властью в личных интересах»), имеющие западное происхождение и приводящие к спорам об их применимости в незападных контекстах.

В основе этих определений лежит представление о том, что коррупция как проблема государственного управления возникает в момент, когда власть в лице политиков и назначенных должностных лиц отклоняется от курса по достижению общественно значимых целей, вставая на путь злоупотребления служебными полномочиями для решения задач частного характера. Этот подход к пониманию коррупции широко используется в развивающихся странах, однако не улавливает специфики социальных отношений, сложившихся в этих обществах задолго до установления в них современной правовой системы.

Иначе говоря, в обществе на протяжении длительного времени складываются определенные социальные отношения, основанные на материальном вознаграждении за оказание политической или иного типа поддержки, однако национальная политика развитых стран не соответствует уровню производительности, национальным условиям и историческим и культурным традициям развивающихся стран, и их копирование будет иметь побочные эффекты. С одной стороны, это вполне закономерный процесс, предполагающий, что невозможно построить современную эффективную систему государственного управления на основе патронажа и фаворитизма, господствующих в модернизирующихся странах. С другой стороны, законодательные ограничения, призванные установить стандарты некоррупционного поведения, входят в конфликт с одобряемыми в обществе практиками. Например, индийский антрополог пишет, что «высокопоставленный чиновник, который не помогает близкому родственнику или односельчанину получить государственную должность, часто подвергается критике со стороны людей за невыполнение своих обязанностей перед сородичами» [Gupta 1995, 375]. Получается, что фаворитизм может рассматриваться и как злоупотребление должностным лицом своими полномочиями, и как выражение солидарных связей с теми, кому он благоволит. Хотя если не принять соответствующего законодательства, ограничивающего фаворитизм, то и факт коррумпированного поведения не будет существовать.

¹ Неправительственная организация Transparency International включена Минюстом РФ в список нежелательных в России.

В итоге в странах, где процветает фаворитизм и nepoтизм, коррупция отчасти является общественно приемлемой практикой. Оказание такой стране международной финансовой помощи не приведет к ожидаемым донорами результатам, она с высокой долей вероятности станет источником стремительного обогащения чиновниками, которые будут использовать ресурсы не на услуги гражданам, а на получение личной выгоды [Persson et al. 2013]. Более того, политики, раздавая выгодные контракты своим родственникам и ближайшим соратникам, могут публично оправдывать это сложившимися традициями и отвергать таким образом обвинения в коррупции.

Социокультурная среда Китая

Китайская Народная Республика (Китай) заметно отличается от других незападных стран тем, что, приняв решение о либерализации экономики, она не пошла по пути демократизации по западному образцу, сохранив, но при этом серьезно усовершенствовав свою систему государственного управления. Однако, как и другие страны, Китай на пути построения нового типа экономики столкнулся с проблемой коррупции, на борьбу с которой последние десять лет тратятся значительные административные усилия. Китайские исследователи, оценивающие уровень коррупции в стране, в целом разделяют ее западную трактовку как злоупотребление должностными полномочиями ради личной выгоды, но обращают также внимание на существование специфических обстоятельств культурного и системного характера, которые создают серьезную двусмысленность в понимании коррупции. В частности, они склоняются к использованию более широкого понимания коррупции: это не только преступление, но и проявление моральной деградации должностного лица [Yu 2008].

Проблема коррупции рассматривается с двух ракурсов: государственного управления и партии. Решение проблемы коррупции зависит как от деятельности судебной и правоохранительной систем, так и от активности подразделений Коммунистической партии, занимающихся проверкой дисциплины ее членов. В итоге можно говорить о двух типах коррупционных дел:

- 1) дела, подлежащие урегулированию в дисциплинарном порядке (нетипичная коррупция), которые не рассматриваются как серьезные, а представляют собой «нездоровые тенденции» в поведении должностных лиц;
- 2) дела, связанные с крупными коррупционными сделками, за которые предполагается уголовное наказание.

Формально-правовая спецификация коррупции в Китае основана на Уголовном кодексе 1997 г., в котором зафиксированы два основных ее вида: экономическая (*jingji zuixing*) (растрата, взяточничество, незаконная прибыль, уклонения от уплаты налогов и пр.) и неэкономическая (*feijingji zuixing*) (неисполнение служебных обязанностей, кумовство и пр.). Однако если на уровне официальной терминологии, используемой в законодательстве, существует понимание того, какие действия государственных служащих относятся к коррупции, то на практике все оказывается менее однозначно, что серьезно осложняет противодействие ей.

Для пояснения китайской специфики исследователи часто обращаются к типологии коррупции, предложенной А. Хайденхаймером [Heidenheimer 2002], который маркировал ее разновидности цветом — черным, серым и белым, в зависимости от того, существует ли консенсус между обществом и государством об отнесении того или иного вида деятельности к коррупции. К «черной коррупции» относятся действия, осуждаемые всеми социальными группами, между политиками и гражданами существует согласие по вопросу необходимости

преследования по закону вовлеченных в них государственных служащих, пытающихся увеличить свое благосостояние за счет общественных ресурсов (взяточничество, мошенничество, растрата, вымогательство, уклонение от уплаты налогов).

К «серой коррупции» относятся действия, в отношении которых отсутствует единодушное согласие внутри политической элиты, а общество может и не знать об этих действиях или не иметь по ним внятной позиции. Речь идет, например, о действиях руководителей государственных учреждений, использующих свою власть для увеличения благосостояния своих сотрудников и доходов своих ведомств за счет участия в коммерческой деятельности. К этой же категории коррупции относятся «нездоровые привычки» чиновничества (расточительство, трата государственных средств на поддержание роскошных условий труда или образа жизни государственных служащих). Эти расходы существенно увеличивают издержки общества, однако пресечь их оказывается непросто, поскольку этот тип коррупции является относительно скрытым, а любые попытки установить разумные ограничения встречают сопротивление чиновников, оправдывающих необходимость создания таких роскошных условий уникальностью своего труда и положения.

«Белая коррупция» также несет в себе серьезную угрозу для качества государственного управления, однако проблема состоит в том, что относящиеся к ней действия общество солидарно считает некоррупционными, а воспринимает их как нормальную социальную практику. По сути, это создание и поддержание сетей личных контактов, в которых государственные служащие содействуют друзьям, родственникам в получении должностей, контрактов и пр., что является способом взаимной оплаты ранее полученных услуг или проявления солидарности (кумовство, фаворитизм). Законодательно власти устанавливают запреты на такие контакты, однако на практике пресечь неформальные практики получения дефицитных услуг в обход формальных процедур крайне сложно.

Китай с момента начала либерализации экономики столкнулся со всеми видами коррупции, но особые дискуссии до сих пор не только в национальном академическом дискурсе, но и во многих международных публикациях вызывает такой вид «белой коррупции», как гуаньси.

А. Леденева определяет неформальные практики как повседневные стратегии людей по манипулированию формальными правилами или использованию их, включению неформальных норм и личных обязательств в формальные контексты, они компенсируют дефицит и дефекты государственной системы распределения; в системах, где исчезает жесткий государственный контроль, они направлены на использование слабых мест в новых институтах, увеличивая таким образом масштабы коррупции. Однако неформальные практики — это не только и не всегда реакция на политические и экономические ограничения, они также формируются под влиянием исторических и культурных акторов [Ledeneva 2008].

Типичный пример таких неформальных практик в Китае — гуаньси (guanxi) — межличностные сети для удовлетворения потребностей повседневной жизни, включающие в себя обмен подарками, услугами, культивирование взаимных обязательств [Yang 1994]. В китайском языке гуаньси состоит из двух иероглифов: 关 (ворота) и 系 (связь) — и означает дословно «связи за воротами». Гуаньси может предоставлять человеку эксклюзивный доступ к ограниченным ресурсам, поэтому нередко рассматривается как вид капитала, который накапливается и преумножается на протяжении длительного времени. В ракурсе коррупционной

проблематики гуаньси воспринимается как личные обязательства, налагаемые социальными отношениями, вынуждающие людей в ситуации выбора нарушать формальные процедуры и правила.

Исследователи с разных позиций объясняют причины широкого распространения этой практики в современном китайском обществе. Китайские социологи полагают, что объяснение коренится прежде всего в конфуцианстве. Как пишет Цзинь Яоцзи, конфуцианство повлияло на логику построения социальных отношений в Китае, для которых характерна специфическая роль человека как посредника в построении социальных взаимодействий вне семьи и проектировщика гуаньси [金耀基 2017, 84]. Конфуцианская культура придает большое значение кровному родству и распространяет его на все социальные отношения. Точнее говоря, кровное родство трактуется очень расширительно, охватывает не только семейные отношения, но и отношения человека и государства. При этом в конфуцианстве действует принцип «цинъинъюшу» (亲亲有术) (различие близости и уважения по отношению к людям), означающий, что в обществе люди относятся друг к другу с разной степенью благожелательности в зависимости от степени кровного родства. Благожелательность к людям иерархически упорядочена: этикет уважения и любви к родственникам разный, а способ уважения к мудрецам делится на уровни. Речь идет о различии «далеко, близко, уважение и неполноценность» при общении с другими.

Этот принцип заложен в основу «модели разной последовательности» социолога Фэй Сяотуна, который пишет о том, что китайцы эгоцентричны при взаимодействии с другими людьми, упорядочивая их по степени близости. Ближний круг («свои люди») и дальний круг («посторонние люди») определяются степенью близости родства [费孝通 2022, 108]. Соответственно, чем ближе кровное родство, тем проще сформировать тесные межличностные отношения, чем дальше кровное родство, тем выше вероятность быть отвергнутым в отношениях с другими, а плотность межличностных отношений существенно снижается [彭泗清 2019]. Кроме того, благожелательность к людям в конфуцианстве определяется также социальной иерархией: благожелательность Конфуция — это своего рода иерархическая любовь, которая делится на далекую и близкую. Любовь к королю не то же самое, что любовь к простолюдинам, любовь к отцу не то же самое, что любовь к чужаку. Его доброжелательность прогрессивна: «谨而信, 泛爱众, 而亲仁». Достаточно быть верным простым людям, любить широкий круг людей в отношениях и сближаться с доброжелательными и праведными людьми. В таких прогрессивных отношениях благожелательность требует больше любви к мудрецам, достигшим Дао, и меньше любви к «простым людям» и даже к конкретным «простым людям», конфуцианство считает, что они недостойны любви: «君子而不仁者有矣夫, 未有小人而仁者也».

Основанные на принципах конфуцианства «социальные кровные отношения» сохраняют свою актуальность и влияние в современном китайском обществе, что имеет как положительные, так и негативные последствия. С одной стороны, принципы конфуцианской культуры способствуют налаживанию хороших межличностных отношений, придавая большое значение общению, основанному на принципах морали, сдерживанию эгоистической мотивации человека в логике «интерес превыше всего», подчеркивая, что за обман придется дорого платить и только честность между людьми является основой для гармоничного общественного развития. С другой стороны, чрезмерный акцент на кровном родстве консервирует в современном обществе феодальные элементы, ведет к доминированию плотных родственных и дружеских межличностных сетей, препятствующих продвижению талантливых, профессиональных и компетентных людей на общественно значимые должности в государстве, а также к росту коррупции.

С позиций западной социологии истоки гуаньси коренятся в сохраняющейся традиционности китайского общества. Например, Т. Парсонс выделил переменные социального действия, которые раскрывают мотивы людей, имеющие принципиальное значение для социальной жизни. В основу мотивации социального действия заложена ориентация человека в своих отношениях с другими в ситуациях выбора. Эти ориентации представлены двумя парами наиболее значимых альтернатив: (1) «универсализм (ориентация на общее правило) — партикуляризм (ориентация на неофициальные критерии, исключения из общих правил, предоставление привилегий приближенным)»; (2) «достижение (ориентация на профессионализм) — приписывание (ориентация на приобретенные от рождения критерии и полученные благодаря наличию особых отношений)» [塔 尔科特 帕森斯 2022; 孙立平 2017]. Партикуляризм и приписывание свойственны традиционным обществам, основанным на кровнородственных отношениях и территориальных связях. Китайское общество рассматривается западными социологами как партикуляристское, что задает совершенно определенный тренд в изучении социальных процессов, а также понимании специфики межличностных отношений, приводящих в том числе к расширению масштабов коррупции.

Сила и плотность межличностных сетей, основанных на кровнородственных связях, не ведет к росту социального доверия в китайском обществе. Ф. Фукуяма полагает, что низкий уровень доверия в китайском обществе связан с природной недоверчивостью китайцев в отношении посторонних. Автор выделяет два типа обществ: с низким и высоким уровнями социального доверия. В обществах с низким уровнем социального доверия оно устанавливается на основе кровнородственных связей и начинает снижаться по мере достижения их границ, а за их пределами резко останавливается. В обществах с высоким уровнем социального доверия оно преодолевает границы кровных уз и простирается далеко за их пределы. При низком уровне социального доверия в обществе преобладают близкородственные отношения между людьми при дефиците связей, объединяющих разнообразные группы в перекрестные сети доверия, создающие ткань гражданского общества [Фукуяма 2004]. Соответственно, для традиционного Китая характерно общество с низким уровнем доверия, хорошо развитыми семейными связями при отсутствии других гражданских организаций. Тот факт, что кровное родство в Китае считается наивысшим уровнем первоначального доверия, находит эмпирическое подтверждение в ряде исследований. Ван Шаогуан и Лю Синь на примерах четырех городов Китая выявили, что действительно уровень доверия к разным объектам и группам убывает — родственники, друзья, знакомые и другие люди в обществе [王绍光, 刘欣 2021].

Социальная жизнь выходит далеко за границы семейных отношений человека, она требует расширения круга коммуникации с другим людьми для ведения профессиональной и иной деятельности. При дефиците социального доверия возникает необходимость в установлении с другими людьми предсказуемых доверительных отношений, повышающих вероятность достижения поставленных целей. Главным средством и навыком искусства гуаньси выступает в данном случае организация банкетов, которые являются средствами политического и экономического обмена и в большей степени, чем другие способы поддержания отношений и демонстрации социального статуса, направлены на получение материальных благ и выгод [杨美惠 2022, 125]. Хотя существует и другая точка зрения, в соответствии с которой банкеты рассматриваются не как способ вознаграждения, а как инструмент расширения и поддержания социальных контактов [边燕杰 2019]. Как пишет К.А. Грегори, «потребление в экономике

дарения представляет собой не простой акт приема пищи, а в основном предполагает регулирование отношений между людьми при социальном воспроизводстве и биологическом воспроизводстве» [克里斯 格雷戈里 2019, 89–90].

Социальные отношения в Китае поддерживаются прежде всего неформальными межличностными сетями, а не социальными институтами, поэтому подарки и иные обмены играли и продолжают играть важную роль в установлении и поддержании отношений. Исследование, проведенное в сельских районах Китая, демонстрирует, что практика обмена подарками сохраняется даже между ближайшими родственниками для укрепления хороших отношений [阎云翔 2021].

Аналогичные практики обмена подарками выявлены среди бизнесменов, продвигавших свои инвестиционные интересы через чиновников после начала экономических реформ в стране [艾伦·斯玛特 2018]. Однако у практик гуаньси есть и философские основания, связанные с необходимостью достижения гармонии в социальных отношениях: отношения «Пяти этик», предложенные Мэн-цзы, представляют собой уникальную структуру человеческих отношений в китайском обществе. Если отношения «Пяти этик» гармоничны, все социальные отношения также будут гармоничными.

Коррупция или социально одобряемые негласные правила?

Предсказуемо в академической среде возникла дискуссия о связи гуаньси с коррупцией: является ли гуаньси важной детерминантой коррупционного поведения чиновников в Китае или важной составляющей традиционной китайской культуры, напрямую не связанной с коррупцией. Китайские исследователи в большинстве своем придерживаются социологической трактовки гуаньси, подчеркивая, что оно связано с формированием и поддержанием сетей межличностных связей, не связанных с решением деловых задач в профессиональной сфере. Для западных исследователей приоритетным является не эмоциональный, а утилитарный подтекст таких отношений, что находит, например, отражение в определении гуаньси, предлагаемом Оксфордским словарем, в соответствии с которым это система социальных сетей, облегчающих ведение бизнеса в Китае. Иначе говоря, акцентируется инструментальное понимание гуаньси, предполагающее наличие у обеих сторон конкретного интереса и ожидаемых измеряемых выгод от взаимодействия, а также обмен ресурсами [Tsang 1998].

Во многих научных исследованиях о связи гуаньси с коррупцией подчеркивается, что гуаньси питает коррупцию и способствует ее распространению в Китае [Gold 1985; Zhan 2012]. По оценкам экспертов, до того, как Китай в последние годы расправился со «сговором между официальными лицами и бизнесом», китайские фирмы тратили в среднем 3–5% доходов на подарки для установления тесных отношений с представителями бюрократии [Luo 1997].

Сторонники такого подхода сходятся во мнении, что существует три важных свойства гуаньси, благоприятствующих коррупции:

- 1) скрытая коммуникация между участниками, гарантирующая безопасность общения по деликатным вопросам и отсутствие рисков разоблачения;
- 2) высокий уровень доверия между участниками, благодаря которому возможен надежный обмен ресурсами и услугами;
- 3) взаимность отношений, снимающая этические дилеммы для вовлеченных участников (предоставление услуги приоритетнее следования формальным нормам).

Отдельно авторы обращают внимание на двусмысленность отношений обмена, не дающую возможность четко развести гуаньси и коррупцию. Иначе говоря, маскируясь под гуаньси, стороны могут вести себя неэтично, прикрываясь этическими мотивами необходимости выполнения принятых на себя обязательств и взаимности. Достоверные мотивы поведения сторон остаются известными только участникам, они могут быть первоначально нацелены на коррупционную сделку, но в случае ее раскрытия объясняют свое поведение гуаньси, что, возможно, не должно привести к наказанию [Yang 1989].

Типичный способ осуществления гуаньси — обмен подарками, что сближает эту социальную практику с коррупцией. Л. Ли описал три аспекта успешного обмена подарками в утилитарных целях, что может быть расценено и как гуаньси, и как коррупция [Li 2011]:

- 1) при выборе подарка определяется соотношение ожидаемой ценности услуги и стоимости подарка (слишком дорогой подарок принесет убытки, если получатель не сможет ответить услугой соответствующей ценности, а от слишком дешевого подарка получатель может отказаться, посчитав его ценность недостаточной в сравнении с услугой, которую от него ожидают);
- 2) получатель подарка с высокой долей вероятности может от него отказаться, опасаясь быть обвиненным в неэтичном поведении, поэтому отправителю необходимо позаботиться о том, чтобы найти оптимальный способ вручения подарка, гарантирующий его принятие (это своего рода самообман, когда все стороны знают, что подарок является частью сделки, но никто не хочет указывать на это);
- 3) отправитель подарка должен снизить дискомфорт от его принятия получателем, приурочив его вручение к крупным праздникам, ссылаясь тем самым на обычный этикет.

Поступая таким образом, коррупционеры прикрываются гуаньси и пытаются легитимировать нарушение формальных правил, превратив свое поведение в конвенциональное и неприкаемое в обществе.

В то же время другие исследователи полагают, что все-таки гуаньси и коррупция напрямую не связаны, между ними существуют серьезные различия, позволяющие разграничить злоупотребления и практику формирования межличностных сетей. Например, И. Луо предложил следующим образом различать гуаньси и коррупцию [Luo 2002]:

- 1) гуаньси является социальной нормой, а коррупция — отклонением от нормы (гуаньси отражает важный компонент азиатской культуры, помогает преодолевать барьеры, вызванные несовершенствами действующего законодательства, а коррупция — это злоупотребление, неэтическое поведение, получение выгоды незаконным способом);
- 2) гуаньси является составной частью китайской конфуцианской культуры, а коррупция находится вне закона и наносит ущерб интересам общества;
- 3) участники гуаньси обмениваются услугами для создания и поддержания сети социальных обязательств, в том числе на эмоциональной основе, а в основе коррупционной сделки заложен утилитарный мотив и денежный обмен;
- 4) гуаньси предполагает неявную социальную взаимность, а коррупция — явную транзактивную взаимность (участник гуаньси, получающий услугу, должен ее вернуть, но это формально нигде не закреплено и не является обязательным, даритель в таком случае может продолжать поддерживать отношения в силу своей щедрости; в коррупционной сделке важно, что стороны с некоторой степенью обязательности соблюдают правила взаимности, что также нигде формально не закреплено, но вполне явно прослеживается);

- 5) гуаньси не несет в себе никаких правовых рисков, а коррупционное поведение сопряжено с серьезной опасностью разоблачения и ущерба (в случае неудачи гуаньси участник несет исключительно личные потери, а в случае вскрытия факта коррупции участникам грозит серьезное наказание);
- 6) гуаньси ориентировано на долгосрочную перспективу, коррупция — на достижение краткосрочных целей (отношения на основе гуаньси строятся и укрепляются на протяжении длительного времени, накапливаются для решения задач в отдаленной перспективе, а коррупция связана с необходимостью получения результата в конкретный момент времени, не требует длительной и заблаговременной подготовки, отношения между сторонами прерываются после разовых транзакций);
- 7) гуаньси не устанавливает сроков возврата обязательств, а для коррупции важна своевременность;
- 8) гуаньси строится на доверии, а коррупция — на обмене товарами (для гуаньси важны честность и порядочность в поведении участников, вытекающие из высокого уровня доверия друг другу, а в коррупционной сделке стороны обменивают одни товары на другие, необходимые им в данный момент времени, каждый из которых имеет свою цену);
- 9) гуаньси может передаваться, а коррупция нет (участник может передать свою сеть гуаньси другому участнику через надежного посредника, коррупция не передается в силу рискованности и ее незаконности).

Конечно, предложенное автором противопоставление гуаньси и коррупции вызывает много вопросов, и несложно найти аргументы, ставящие под сомнение наличие принципиальных различий. Тем не менее, даже если однозначные различия для стороннего наблюдателя отсутствуют, нельзя игнорировать того, что они ощутимы на социокультурном уровне участниками этих отношений, что позволяет относить гуаньси к «белой коррупции».

Заключение

Коррупция оказывает разрушающее воздействие на систему государственного управления, препятствуя в том числе экономическому росту и развитию. Социокультурный контекст в вопросах противодействия коррупции, безусловно, играет большую роль, однако он не должен быть оправданием для борьбы с практиками злоупотребления государственными служащими властными полномочиями в корыстных целях. Преодоление негативных проявлений гуаньси, как представляется, возможно не только благодаря ужесточению административного контроля за действиями чиновников и бизнесменов, но и усилению этической составляющей в деятельности бюрократии. Социокультурная установка на развитие межличностных сетей не должна противоречить установке на необходимость решения общенациональных задач. Достичь этого возможно, например, за счет публичности в освещении случаев, демонстрирующих, что дорогостоящие усилия бизнесменов по формированию отношений гуаньси с государственными служащими вскрываются и пресекаются, не дают ожидаемой отдачи, а ведут только к финансовым потерям, общественному порицанию и уголовному наказанию.

Список литературы:

- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.
- Gold T. After Comradeship: Personal Relations in China since the Cultural Revolution // The China Quarterly. 1985. Vol. 104. P. 657–675.

- Gupta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // American Ethnologist. 1995. Vol. 22. Is. 2. P. 375–402. DOI: [10.1525/ae.1995.22.2.02a00090](https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.2.02a00090)
- Heidenheimer A.J. Parties, Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics // Political Corruption: Concepts and Contexts / ed. by M. Johnston. New York: Routledge, 2002. P. 761–776.
- Jetter M., Agudelo A., Hassan A. The Effect on Democracy on Corruption: Income is Key // World Development. 2015. Vol. 74. P. 286–304. DOI: [10.1016/j.worlddev.2015.05.016](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.05.016)
- Ledeneva A. Blat and Guanxi: Informal Practices in Russia and China // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. Is 1. P. 118–144.
- Li L. Performing Bribery in China: Guanxi-practice, Corruption with Human Face // Journal of Contemporary China. 2011. Vol. 20. Is. 68. P. 1–20. DOI: [10.1080/10670564.2011.520841](https://doi.org/10.1080/10670564.2011.520841)
- Luo Y. Guanxi and Performance of Foreign-Invested Enterprise in China. An Empirical Enquiry // Management International Review. 1997. Vol. 37. Is. 1. P. 51–70.
- Luo Y. Corruption and Organization in Asian Management System // Asia Pacific Journal of Management. 2002. Vol. 19. P. 405–422. DOI: [10.1023/A:1016252021370](https://doi.org/10.1023/A:1016252021370)
- Persson A., Rothstein D., Teorello J. Why Anticorruption Reforms Fail: Systemic Corruption as a Collective Action Problem // Governance. 2013. Vol. 26. Is. 3. P. 449–471. DOI: [10.1111/j.1468-0491.2012.01604.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2012.01604.x)
- Treisman D. The Cause of Corruption: A Cross-National Study // Journal of Public Economics. 2000. Vol. 76. Is. 3. P. 399–457.
- Tsang E. Can Guanxi be a Source of Sustained Competitive advantage for Business in China? // Academy of Management Executive. 1998. Vol. 12. Is. 2. P. 64–73.
- Weyland K. The Politics of Corruption in Latin America // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9. Is. 2. P. 108–121.
- Yang M. The Gift Economy and State Power in China // Comparative Studies in Society and History. 1989. Vol. 31. Is. 1. P. 25–54.
- Yang M. Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relations in China. Ithaca: Cornell University Press, 1994.
- Yu O. Corruption in China's Economic Reform: A Review of Recent Observations and Explanations // Crime, Law and Social Change. 2008. Vol. 50. P. 161–176. DOI: [10.1007/s10611-008-9133-5](https://doi.org/10.1007/s10611-008-9133-5)
- Zhan J. Filling the Gap of Formal Institutions: The Effects of Guanxi Network on Corruption in Reform-Era China // Crime, Law and Social Change. 2012. Vol. 58. Is. 2. P. 93–102. DOI: [10.1007/s10611-012-9379-9](https://doi.org/10.1007/s10611-012-9379-9)
- 边燕杰. 中国城市中的关系资本与饮食社交: 理论模型与经验分析 // 开放时代. 2019. 3. 94–99. (Бянь Я. Гуаньси, капитал и застолья в городах Китая: теоретическая модель и эмпирический анализ // Открытые времена. 2019. № 3. С. 94–99).
- 王绍光, 刘欣. 信任的基础: 一种理性的解释 // 社会学研究. 2021. 3. 24–27. (Ван Ш., Лю С. Основа доверия: рациональное объяснение // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 24–27).
- 克里斯·格雷戈里, 礼物与商品. 云南大学出版社, 2019. (Грегори К. Подарки и товары. Юньнань: Издательство Юньнаньского университета, 2019).
- 塔尔科特·帕森斯. 社会行动的结构. 张明德、夏遇南、彭刚译. 译林出版社. 2022. (Парсонс Т. Структура социального действия. Нанкин: Илнпресс, 2022).
- 彭泗清. 信任的建立机制: 关系运作与法制手段 // 社会学研究. 2019. 2. 55–56 (Пэн С. Механизм установления доверия: функционирование отношений и средства верховенства права // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 55–56).

艾伦·斯玛特. 礼物、贿赂与关系:布迪厄的社会资本再思考. 2007. 24(4). URL: <https://www.docin.com/p-1581096689.html> (Смарт А. Подарки, взятки и отношения: переосмысление капитала по Бурдьё // Журнал Китайского сельскохозяйственного университета. 2007. Т. 24. № 4).

孙立平.“关系”、社会关系与社会结构 // 社会学研究. 2017. 5. 20–30 (Сунь Л. Гуаньси, социальные гуаньси и социальная структура // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 20–30).

费孝通. 乡土中国. 天津人民出版社, 2022. (Фэй С. Сельский Китай. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2022).

金耀基. 中国社会与文化. 牛津大学出版社(香港), 2017. (Цзинь Я. Китайское общество и культура. Гонконг: Издательство Оксфордского университета, 2017).

杨美惠. 礼物、关系学与国家:中国人际关系与主体性构建. 赵旭东、孙珉译. 江苏人民出版社, 2022. (Ян М. Дары, отношения и государство: межличностные отношения и построение субъективности в Китае. Сучжоу: Народное издательство Цзянсу, 2022).

阎云翔. 礼物的流动——一个中国村庄中的互惠原则与社会网络. 刘放春、刘瑜译. 上海人民出版社, 2021. (Янь Ю. Поток подарков — принцип взаимности и социальные сети в китайской деревне. Шанхай: Шанхайский народный издательский дом, 2021).

References:

Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow: AST.

Gold T. (1985) After Comradeship: Personal Relations in China since the Cultural Revolution. *The China Quarterly*. Vol. 104. P. 657–675.

Gupta A. (1995) Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State. *American Ethnologist*. Vol. 22. Is. 2. P. 375–402. DOI: [10.1525/ae.1995.22.2.02a00090](https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.2.02a00090)

Heidenheimer A.J. (2002) Parties, Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics. In: Johnston M. (ed.) *Political Corruption: Concepts and Contexts*. New York: Routledge. P. 761–776.

Jetter M., Agudelo A., Hassan A. (2015) The Effect on Democracy on Corruption: Income is Key. *World Development*. Vol. 74. P. 286–304. DOI: [10.1016/j.worlddev.2015.05.016](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.05.016)

Ledeneva A. (2008) Blat and Guanxi: Informal Practices in Russia and China. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 50. Is 1. P. 118–144.

Li L. (2011) Performing Bribery in China: Guanxi-practice, Corruption with Human Face. *Journal of Contemporary China*. Vol. 20. Is. 68. P. 1–20. DOI: [10.1080/10670564.2011.520841](https://doi.org/10.1080/10670564.2011.520841)

Luo Y. (1997) Guanxi and Performance of Foreign-Invested Enterprise in China. An Empirical Enquiry. *Management International Review*. Vol. 37. Is. 1. P. 51–70.

Luo Y. (2002) Corruption and Organization in Asian Management System. *Asia Pacific Journal of Management*. Vol. 19. P. 405–422. DOI: [10.1023/A:1016252021370](https://doi.org/10.1023/A:1016252021370)

Persson A., Rothstein D., Teorello J. (2013) Why Anticorruption Reforms Fail: Systemic Corruption as a Collective Action Problem. *Governance*. Vol. 26. Is. 3. P. 449–471. DOI: [10.1111/j.1468-0491.2012.01604.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2012.01604.x)

Treisman D. (2000) The Cause of Corruption: A Cross-National Study. *Journal of Public Economics*. Vol. 76. Is. 3. P. 399–457.

Tsang E. (1998) Can Guanxi be a Source of Sustained Competitive advantage for Business in China? *Academy of Management Executive*. Vol. 12. Is. 2. P. 64–73.

Weyland K. (1998) The Politics of Corruption in Latin America. *Journal of Democracy*. Vol. 9. Is. 2. P. 108–121.

- Yang M. (1989) The Gift Economy and State Power in China. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 31. Is. 1. P. 25–54.
- Yang M. (1994) *Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relations in China*. Ithaca: Cornell University Press.
- Yu O. (2008) Corruption in China's Economic Reform: A Review of Recent Observations and Explanations. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 50. P. 161–176. DOI: [10.1007/s10611-008-9133-5](https://doi.org/10.1007/s10611-008-9133-5)
- Zhan J. (2012) Filling the Gap of Formal Institutions: The Effects of Guanxi Network on Corruption in Reform-Era China. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 58. Is. 2. P. 93–102. DOI: [10.1007/s10611-012-9379-9](https://doi.org/10.1007/s10611-012-9379-9)
- 边燕杰 (2019) 中国城市中的关系资本与饮食社交: 理论模型与经验分析. 开放时代. 3. 94–99 (Bian Y. (2019) Gifts, Favors and Banquets: The Art of Social Relationships in China. *Open Times*. No. 3. P. 94–99).
- 王绍光, 刘欣 (2021) 信任的基础: 一种理性的解释. 社会学研究. 3. 24–27 (Wang Sh., Li X. (2021) The Basis of Trust: A Rational Explanation. *Sociological Study*. No. 3. P. 24–27).
- 克里斯·格雷戈里 (2019) 礼物与商品. 云南大学出版社. (Gregory C. (2019) *Gifts and Commodities*. Yunnan: Yunnan University Press).
- 塔尔科特·帕森斯 (2022) 社会行动的结构. 张明德、夏遇南、彭刚译. 译林出版社. (Parsons T. (2022) *The Structure of Social Action*. Nanjing: Yilin Press).
- 彭泗清 (2019) 信任的建立机制: 关系运作与法制手段. 社会学研究. 2. 55–56 (Peng S. (2019) The Establishment Mechanism of Trust: Relationship Operation and Legal Means. *Sociological Study*. No. 2. P. 55–56).
- 艾伦·斯玛特 (2007) 礼物、贿赂与关系: 布迪厄的社会资本再思考. 24 (4). Available: <https://www.docin.com/p-1581096689.html> (Smart A. (2007) Gifts, Bribes, and Guanxi: A Reconsideration of Bourdieu's Social Capital. *China Agricultural University Journal of Social Sciences Edition*. Vol. 24. No. 4).
- 孙立平 (2017) “关系”、社会关系与社会结构. 社会学研究. 5. 20–30 (Sun L. (2017) Relationships, Social Relations and Social Structure. *Sociological Study*. No. 5. P. 20–30).
- 费孝通 (2022) 乡土中国. 天津人民出版社. (Fei X. (2022) *From the Soil — the Foundations of Chinese Society*. Tianjin: Tianjin People's Publishing House).
- 金耀基 (2017) 中国社会与文化. 牛津大学出版社(香港). (Jin Y. (2017) *China Society and Politics*. Hong Kong: Oxford University Press).
- 杨美惠 (2022) 礼物、关系学与国家: 中国人际关系与主体性构建. 赵旭东、孙珉译. 江苏人民出版社. (Yang M. (2022) *Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relationships in China*. Suzhou: Jiangsu People's Publishing House).
- 阎云翔 (2021) 礼物的流动——一个中国村庄中的互惠原则与社会网络. 刘放春、刘瑜译. 上海人民出版社. (Yan Y. (2021) *The Flow of Gifts Reciprocity and Social Network in A Chinese Village*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House).

Дата поступления/Received: 07.03.2023